

У праці використовуються дефініційний апарат і періодизація бойових дій, які склалися у сучасній російській та польській військово-історичній науці. Водночас зазначимо, що оскільки військовий дефініційний апарат XVII ст. розроблений недостатньо, автор цих рядків вимушений з деякою обережністю застосовувати до характеристики бойових дій Визвольної війни сучасну військову термінологію.

Бібліографічні посилання

1. Военный энциклопедический словарь. – М., 1984.
2. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы : в 3 т. – М., 1954. – Т. 2.
3. Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. – СПб., 2003.
4. История военного дела в Польше: избранные вопросы. – Варшава, 1970.
5. Разин Е. А. История военного искусства : в 5 т. / Е. А. Разин. – М., 1961. – Т. 1.
6. Разин Е. А. История военного искусства : в 5 т. / Е. А. Разин. – М., 1961. – Т. 3.
7. Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у Визвольній війні українського народу середини XVII ст.: [моногр.]. Кн. перша: Воєнні дії 1648–1652 рр. / І. С. Стороженко. – Дніпропетровськ, 1996.
8. Стороженко І. С. Тугай-бей – побратим Богдана / І. С. Стороженко // Козацтво. – 1993. – № 1.
9. Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і Запорозька Січ кінця XVI – середини XVII ст. [моногр.]. Кн. друга: Генезис, еволюція та реформування організаційної структури Січі / І. С. Стороженко. – Дніпродзержинськ, 2007.
10. Строчков А. А. История военного искусства: Рабовладельческое и феодальное общество / А. А. Строчков. – М., 1955.

Надійшла до редколегії 15.10.2012

УДК [930.1 + 94] (47) «1762/1796»

М. А. Руднєв

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЕКАТЕРИНЫ II В РУССКОЙ ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ИСТОКИ «КОНСЕРВАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ»

На матеріалі праць російських істориків і правознавців (Г. В. Плеханов, О. О. Кізеветтер, Ф. В. Тарановський) здійснено аналітичний огляд ідейно-концептуальних витоків «консервативної» ідентифікації соціально-політичної програми Катерини II в історіографічній традиції.

Ключові слова: Катерина II, ідеологічна програма, російська історіографія, консерватизм, інтерпретація.

На материале работ русских историков и правоведов (Г. В. Плеханов, А. А. Кизеветтер, Ф. В. Тарановский) осуществлен аналитический обзор идейно-концептуальных истоков «консервативной» идентификации социально-политической программы Екатерины II в историографической традиции.

Ключевые слова: Екатерина II, идеологическая программа, русская историография, консерватизм, интерпретация.

The ideological and conceptional fundamental of the conservative identification of the Catherine's II socio-political programme were examined and analyzed on this article/

Key words: Catherine II, ideological programme, Russian historiography, conservatism, interpretation.

Одной из примечательных тенденций современного историографического процесса можно считать неослабевающее внимание российских историков и публицистов к эпохе правления Екатерины II, в том числе к социально-политическим взглядам императрицы, которая, как известно, сама выступала в роли идеолога своей политики (режима «просвещенного абсолютизма»). При этом представляется вполне закономерным очевидное доминирование апологетического подхода, распространяемого на ее идейное наследие (программу модернизации Российской империи) и неразрывно связанного с его «либеральной» идентификацией или, другими словами, предполагающего обязательное причисление екатерининской «программы» к либеральному направлению политической философии и общественной мысли. Несомненно, что подобная ситуация в новейшем российском «екатериноведении» была изначально обусловлена (наряду с иными, собственно «внутринаучными» факторами) естественным и неизбежным эффектом отторжения от советского научно-идеологического официоза, который на протяжении десятилетий диктовал общеизвестные труднопреодолимые «правила игры», в том числе, однозначно негативную оценочную трактовку идеологии и политической практики екатерининского «просвещенного абсолютизма».

В то же время критический подход к деятельности Екатерины II, априорно предполагающий идентификацию ее социально-политических взглядов как консервативных («охранительных»), в несколько смягченном виде продолжает свое существование и в современном историографическом пространстве – прежде всего в работах историка русского просветительства профессора МГУ В. И. Морякова, а также в ряде обобщающих, в том числе учебных курсов по истории России. Более того, можно констатировать очевидный факт взаимодополняющего сосуществования в сегодняшнем российском «екатериноведении» обеих упомянутых тенденций: апологетической и «критической».

При этом, с нашей точки зрения, проблема идейно-концептуальных («интеллектуальных») истоков второй из названных концепций вплоть до настоящего времени представляет собой своеобразное «белое пятно». Главным и, по сути, единственным «виновником» тотально негативной оценочной трактовки идейного наследия и социальной политики Екатерины II в советской исторической науке объявлялся М. Н. Покровский (вместе с его научно-идеологической школой), а ее «методологической базой» – памфлетные высказывания в адрес императрицы раннего А. С. Пушкина и «классиков марксизма» – прежде всего те из них, что касались ее интеллектуального «романа» с французскими просветителями [3, с. 7, 105]. (Пользуясь случаем, следует отметить, что в самом полном и аргументированном виде негативная оценочная трактовка феномена екатерининского «просвещенного абсолютизма», неразрывно связанная с идентификацией его идеологической платформы как «консервативной», проявилась в работах М. Т. Белявского, автора фундаментальной монографии «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли)» (М., 1965), чьим учеником и несомненным единомышленником был упомянутый профессор МГУ В. И. Моряков).

Между тем, интеллектуальные истоки указанной историографической (историко-политологической) тенденции можно обнаружить еще в дооктябрьской гуманитарной науке. В данном случае приоритетное значение имеет обзорно-аналитическая работа Ф. В. Тарановского (1875–1936) «Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II», опубликованная в «Сборнике статей по истории права, посвященном М. Ф. Владимирскому-Буданову» (Киев, 1904). Упомянутая статья известного киевского правоведа и историка своим «необщим выражением лица» резко выделяется на почти одноцветном апологетическом фоне до-революционной историографической «екатеринианы», одной из «родовых черт» которой была «либеральная» идентификация идейного наследия императрицы.

Согласно авторской самохарактеристике, «задачу настоящей статьи» составляет выяснение «отношения политической доктрины Наказа к ее источнику, т. е. к «Духу законов» (Ш. Л. Монтескье. – *М. Р.*) или, другими словами, – «отношения между этими двумя политико-теоретическими величинами, первоначальной и производной, в их целом» [5, с. 45].

С точки зрения киевского историка-правоведа, решение этой столь актуальной историографической (историко-политологической) проблемы предполагает также выяснение остающегося вплоть до настоящего времени на самой отдаленной периферии исследовательского внимания «вопроса о влиянии на Екатерину II немецкой политической литературы» [5, с. 62]. По утверждению Ф. В. Тарановского, особая важность данного сюжета для осмысления и правильной идентификации «политической доктрины» екатерининского «Наказа» определяется тем очевидным обстоятельством, что «французская политическая литература XVIII века даже в столь умеренных ее проявлениях, каким был «Дух законов» Монтескье, стремилась к полному уничтожению «старого порядка», с которыми столь желанная всеми свобода признавалась несовместимой», в то время как «в немецкой политической литературе... свобода отступала на второй план, а в первую голову ставилось всестороннее благосостояние народа, достижимое и при сохранении политических основ старого порядка» [5, с. 62]. Именно поэтому, согласно концептуальной версии киевского правоведа, «логически непоследовательное... сочетание французской свободы с немецким благоденствием и порядком как нельзя более соответствовало тому направлению просветительской политики, которое по обстоятельствам могла и в сущности сама желала проводить императрица Екатерина II» [5, с. 62].

Ф. В. Тарановский отнюдь не отрицает того неоспоримого факта, что «Екатерина, несомненно, руководилась просветительскими идеями века», но при этом решительно заключает, что «теория самодержавия, развитая в «Наказе», имеет «весьма мало общего» с «картинной монархического правления у Монтескье» (в «Духе законов». – *М. Р.*) [5, с. 69, 65]. Указанное коренное противоречие между французским «оригиналом» и российской «копией» киевский правоведа определяет следующим образом: «Самодержавное правление» Наказа есть монархия, но не сословная, а бюрократическая, если позволено так выразиться... Монтескье совершенно не знает той формы монархии, в которой вместо лишенных политической прерогативы сословий являются бюрократические учреждения. Эту форму монархии облекала в стройную теорию в XVIII веке консервативная политическая мысль Германии...» [5, с. 70]. С точки зрения Ф. В. Тарановского, Екатерина в своем «Наказе» излагает ни что иное как теорию «бюрократической монархии», неприемлемой для автора «Духа законов». Именно в этом киевский правоведа усматривает ее «самостоятельность по отношению к «президенту Монтескье...» [5, с. 70].

Одновременно он задается вопросом, «насколько Екатерина (как теоретик «просвещенного» бюрократического абсолютизма. – *М. Р.*) следовала в этом отношении исторической традиции России или же вводила новшества?» [5, с. 84]. Согласно аксиоматическому заключению Ф. В. Тарановского, «бюрократический порядок был у нас при вступлении императрицы Екатерины II на престол уже существующим фактом» как результат «того коренного преобразования государственного управления, которое произведено было Петром Великим» [5, с. 84]. Соответственно, екатерининский «Наказ», «данный в руководство комиссии выборных представителей, развивает теорию такого государственного строя, в котором для небюрократического учреждения не оказывается ни малейшего места» [5, с. 85]. В конечном итоге, констатирует Ф. В. Тарановский, «прямой путь от политической доктрины Наказа вел не к законодательным комиссиям с представительным составом, но к бюрократическому «Учреждению о губерниях», оказав-

шешуся наиболее прочной из правительственных реформ императрицы Екатерины II [5, с. 85–86].

Наконец, киевский правовед отмечает тот знаменательный факт, что теория естественного права в екатерининском «Наказе» выступает лишь в виде «принципа для самоограничения самодержавной власти», но не в своем аутентичном значении (согласно авторскому определению, отнюдь не «в виде каких-либо прирожденных [«естественных». – *М. Р.*] прав поданных») [5, с. 82]. По утверждению Ф. В. Тарановского, «при такой постановке дела требуемая Наказом внутренняя или естественная справедливость положительного закона остается принципом просвещенного абсолютизма и не имеет значения субъективной гарантии правового государства» [5, с. 82].

В завершение аналитического обзора политико-правовой концепции екатерининского «Наказа» («своеобразного сплава из либеральных идей Монтескье и доктрины просвещенного абсолютизма») киевский правовед еще раз акцентирует «принципиальную самостоятельность его автора», но лишь «только в отношении к Монтескье» [5, с. 83]. «Если же рассматривать политическую доктрину «Наказа» с более широкой точки зрения, чем сравнение ее с идеями Монтескье, то нельзя не подметить в ее основе общей канвы бюрократической теории просвещенного абсолютизма, родиной которой была Германия...», – резюмирует Ф. В. Тарановский концептуальное содержание своей обзорно-аналитической статьи [5, с. 83].

Бросается в глаза подчеркнутое отсутствие в работе киевского правоведа каких-либо прямых («одноименных») умозаключений и резюмирующих характеристик, касающихся историко-политологической идентификации идейного наследия Екатерины II по линии водораздела «консерватизм-либерализм». Однако именно статья Ф. В. Тарановского явилась, в сущности, первым значимым в научном отношении «развернутым контраргументом» против общепринятой и на тот момент (1904 г.) практически безальтернативной либерально-апологетической интерпретации идейного наследия Екатерины II.

К следующему «видовому уровню» дореволюционной историографической «екатеринианы» принадлежат первые обобщающие труды по истории русской общественно-политической мысли. В данном случае непосредственный интерес для историографа русского консерватизма представляет трехтомная «История русской общественной мысли» (1914–1917) Г. В. Плеханова (1856–1918), изложение материала в которой доведено до конца XVIII в., т. е. до екатерининской эпохи включительно. Именно плехановская трактовка идейного наследия Екатерины II (конкретно – «Большого Наказа» для Уложенной Комиссии) стала важной вехой развития неконформистского (для дореволюционной России) направления историографической «екатеринианы», которое предполагает ту или иную степень дискуссионного отторжения от его традиционной «либерально-прогрессивистской» идентификации. Помимо радикальности оценок, закономерной в устах основоположника русского марксизма и профессионального революционера, посвятившего свою жизнь борьбе за свержение социально-политического строя Российской империи, плехановская интерпретация интересующего нас сюжета (содержащаяся в заключительной (неоконченной) III книге «Истории русской общественной мысли», впервые изданной в 1917 г.) отличается ярко выраженной историографичностью, своим полемическим острием направленная против магистральной для досоветской «екатеринианы» апологетической традиции, как уже было сказано, неразрывно связанной с либеральной идентификацией идейного наследия императрицы (в первую очередь, разумеется, «Большого Наказа» 1767 г.).

Весьма примечательно, что одним из двух представителей этой апологетической традиции, непосредственно упомянутых Г. В. Плехановым (наряду с профессиональным историком Н. Д. Чечулиным), был леворадикальный пу-

блицист и общественный деятель Г. З. Елисеев, автор «программной» научно-публицистической статьи «Наказ» императрицы Екатерины II о сочинении проекта Нового Уложения», опубликованной в журнале «Отечественные записки», одним из соредакторов которого (вместе с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, а позднее – с Н. К. Михайловским) он являлся.

Основоположник русского марксизма призывает к критическому восприятию «восторженных отзывов» адептов либерально-апологетической «екатеринианы» относительно беспрецедентной (с точки зрения тогдашней российской действительности) и судьбоносной для отечественного общественного сознания прогрессивности социально-политических идей екатерининского «Наказа». Со своей стороны Г. В. Плеханов, вслед за своим идейно-политическим антагонистом и предшественником на поприще изучения истории русской общественной мысли П. Н. Милюковым (прибегая к прямому цитированию его «Очерков по истории русской культуры») отмечает, что «Екатерина никогда не увлекалась серьезно освободительной (? – просветительской. – М. Р.) философией» [4, с. 28]. Более того, по утверждению основоположника русского марксизма, во время работы над «Наказом» и в момент его обнародования Екатерина якобы «хорошо знала, что уже в то время ее практика шла вразрез с ними» [4, с. 31]. В частности, Г. В. Плеханов не отрицает, что начинающая императрица была не прочь «смягчить... форму... эксплуатации народного труда, которая господствовала в тогдашней России» (авторское обозначение крепостной зависимости крестьян, резко усилившейся в результате петровской модернизации), однако отмечает тот непреложный факт, что она «никогда не стремилась к этому очень сильно», тем более после того, как «очень скоро сообразила, что это не понравится дворянству» [4, с. 32]. Таким образом, он приходит к итоговому выводу о сугубом политическом прагматизме как о главной «идеологии» екатерининской политики или, по его собственным словам, о том, что «теория была для нее не более, как средством достижения личных целей» [4, с. 35].

Подобная итоговая характеристика (кстати, в целом аналогичная соответствующим оценкам В. О. Ключевского и П. Н. Милюкова, но разнящаяся с ними закономерной для революционера-марксиста «бесцензурной» категоричностью) касается также двух зарубежных коллег Екатерины II, которые, как и она, проводили политику «просвещенного абсолютизма»: австрийского императора Иосифа II и прусского короля Фридриха II Великого. По заключению автора «Истории русской общественной мысли», подобно этим центральноевропейским монархам, российская императрица «являлась сторонницей новой французской философии» только в том случае, когда «это обещало ей известные выгоды...» [4, с. 29].

Наконец, Г. В. Плеханов решительно отказывается связывать переход Екатерины после 1789 г. к жесткому охранительному курсу с «точечными» репрессиями против идейных оппонентов (А. Н. Радищев, Н. И. Новиков) с ее «разочарованием в своих прежних взглядах» [4, с. 33]. «Такою она стала вовсе не под влиянием какого-нибудь разочарования, – решительно заключает основоположник русского марксизма. – Такою она была всегда, и такую сделало ее безграничное властолюбие...» [4, с. 33]. По убеждению Г. В. Плеханова, если Екатерина к концу своего правления, под влиянием революционных катаклизмов во Франции, и «разочаровалась в чем-либо, то разве только в возможности с успехом выдавать себя за убежденную сторонницу либеральных взглядов... неуклонно стремясь в то же время к упрочению и расширению своей власти [4, с. 33].

Последней заметной вехой «антилиберальной» идентификации социально-политической программы Екатерины II и одновременно – попыткой общей демифологизации традиционного историографического образа императрицы в русской «несоветской» историографии стала вызывающе лаконичная обзорно-полемическая статья А. А. Кизеветтера (1867–1933) «Екатерина II», впервые опу-

бликованная в сборнике его историко-биографических работ «Исторические силуэты: Люди и события» (Берлин, 1931). Следует заметить, что в концептуальном отношении указанная работа представляет собой максимально популярное изложение авторской позиции, впервые озвученной и всесторонне аргументированной в его докторской диссертации «Городовое положение Екатерины II 1785 года» (М., 1909), и поэтому с полным основанием может рассматриваться в общих дисциплинарных рамках дооктябрьской исторической науки.

По заключению кадетского историка, «после смерти Петра Великого началась глубокая переработка самых оснований государственного порядка», а именно – «постепенное превращение» России в сословно-дворянскую монархию, причем «к моменту воцарения Екатерины II эта метаморфоза была уже завершена» манифестом Петра III о «вольности дворянской» [2, с. 119]. Соответственно, «на долю Екатерины II досталась задача сообщить этому вновь назревшему строю государственно-общественных отношений окончательную юридическую формулировку и установить те новые учреждения, которые соответствовали бы самой природе сословно-дворянской монархии» [2, с. 119]. Таким образом, согласно «нонконформистской» концепции А. А. Кизеветтера, перед Екатериной стояла не более чем «очередная политическая задача» по «оформлению и закреплению процессов, достигших к этому времени в русской жизни полного (? – М. Р.) развертывания», «в результате социально-политической эволюции, наполнившей эпоху преемников Петра Великого» [4, с. 136]. «Завершив организацию этой русской сословно-дворянской монархии XVIII столетия, Екатерина сумела сообщить ей тот культурный лоск и блеск, которого вообще можно было достигнуть при тогдашнем уровне русской монархии XVIII столетия», – отмечает кадетский историк [2, с. 136].

В свете общей концепции полемической статьи А. А. Кизеветтера и его предшествующих (дооктябрьских) монографических работ, посвященных политике Екатерины II, екатерининский «либерализм» представляет главным образом как тактическое средство по созданию «репутации либеральной и просвещенной государыни» в западноевропейском общественном мнении путем его соответствующей «обработки» [2, с. 129]. Легко предположить, что, упоминая в качестве показательного примера подобной целенаправленной пропаганды, предназначенной на «экспорт», «официальные заявления высшим государственным учреждениям по поводу правительственных мероприятий», кадетский историк имел в виду, в первую очередь, ее главный идеологический манифест – «Большой Наказ» для Уложенной Комиссии 1767–1768 гг. [4, с. 129].

В заключение необходимо отметить, что подробное и всестороннее рассмотрение проблемы идейно-концептуальных истоков различных интерпретаций идейного наследия Екатерины II – в том числе т. н. «критического» подхода, во всех его модификациях (от первоначальной версии, характерной для дооктябрьской историографии, анализу которой посвящена настоящая статья, – до новейшей (постсоветской)) неизбежно предполагающего идентификацию социально-политической программы императрицы как консервативной или даже «охранительной» – должно стать одним из ключевых сюжетов будущего обобщающего монографического исследования историографии русской общественно-политической мысли эпохи Империи и ее консервативного направления в частности.

Библиографические ссылки

1. **Белявский М. Т.** Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли) / М. Т. Белявский. – М., 1965.
2. **Кизеветтер А. А.** Екатерина II / А. А. Кизеветтер // Кизеветтер А. А. Исторические силуэты. – Ростов н/Д, 1997. – С. 117–136.

3. Павленко Н. И. Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – М., 2006.
4. Плеханов Г. В. Сочинения / Г. В. Плеханов. – М.; Л., 1925. – Т. 21.
5. Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II / Ф. В. Тарановский // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями / под ред. М. Н. Ясинского. – К., 1904. – С. 44–86.

Надійшла до редколегії 28.01.2013

УДК 94 (477) «1812»: 930

В. В. Іваненко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ВІТЧИЗНЯНА ВІЙНА 1812 р. І УКРАЇНА: ІСТОРИОГРАФІЧНА ТРАДИЦІЯ ТА ПЕРСПЕКТИВИ ДОСЛІДЖЕНЬ

Зроблена спроба узагальнити стан і намітити перспективні напрями українознавчих досліджень у контексті історії російської французької війни початку ХІХ ст.

Ключові слова: Вітчизняна війна, історіографія, Росія, Франція, Україна.

Сделана попытка обобщить состояние и наметить перспективные направления украиноведческих исследований истории российско-французской войны начала ХІХ в.

Ключевые слова: Отечественная война, историография, Россия, Франция, Украина.

An attempt to generalize the state and set perspective directions of ukrainological researches history of Russian-French war of beginning of the ХІХ с.

Key words: Patriotic war, historiography, Russia, France, Ukraine.

У 2012 році ми відзначили знакову подію вітчизняної історії – 200-ліття війни 1812 р., результати якої багато в чому визначили історичну долю не тільки Російської держави, а й подальший шлях поступу європейського континенту і світу в цілому. Очевидно, не буде перебільшенням сказати, що ця війна справила потужний вплив на свідомість багатьох поколінь наших співвітчизників, залишила незабутній слід у їхній історичній пам'яті як один із яскравих прикладів послідовного патріотизму, солідарності та взаємодії братніх східнослов'янських народів в лиховісних умовах тодішнього чужоземного нашестя.

Тому не випадково цей ювілей набув такого широкого резонансу як в Росії, так і в Україні, землі яких 200 років назад перетворилися на театри військового російсько-французького протистояння, а народні маси стали безпосередніми учасниками запеклої боротьби з армією Наполеона і невід'ємною складовою героїчного літопису «дванадцятого року».

Думається, війну 1812 р. для наших народів по праву можна вважати вітчизняною, народною, оскільки вони, а точніше, їхні кращі представники, сповнені патріотичних почуттів, у той грізний час об'єднали свої зусилля і нерідко ціною власного життя гідно боролися з наполеонівською армією до переможного кінця заради спільної мети – визволення своєї Батьківщини від іноземного поневолення.

У наші дні тема Вітчизняної війни 1812 р. залишається однією з актуальних і найбільш затребуваних у російській, українській та й світовій історіографії. Вона викликає неабиякий інтерес у середовищі науковців, породжуючи часом гострі дискусії і полеміку. Свідченням тому є ціла низка заходів (наукові конференції,